

18+
Елена Алфеева

Овен

Елена Алфеева

Овен

«Издательские решения»

Алфеева Е.

Овен / Е. Алфеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-625161-8

Авторский гениальный стиль позволит вам окунуться в увлекательный сюжет, который заставит вас пересматривать свое представление о знаках зодиака. Эта книга станет отличным подарком для всех, кто увлечен астрологией и хочет узнать больше о себе и окружающих.

ISBN 978-5-00-625161-8

© Алфеева Е.
© Издательские решения

Овен

Елена Алфеева

© Елена Алфеева, 2024

ISBN 978-5-0062-5161-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОВЕН

Сагитариус, то есть Стрелец мёртв, а двумя мёртвыми Рыбами Дионис обозначал деление на дни недели. Овна он разбил на семь огней, которые, будто главы в книге, повторялись по четыре раза и образовывали месяц. Каждый месяц шла кровь – жрец становился нечистым из-за контакта с трупом, десять чаш переполнялись кровью Елены Прекрасной, а на четвёртый свой красный день, то бишь сегодня, она проживала часы не по порядку, записывала кровью любовные стихи для Симона Мага случайными рифмами, обличала нетерпимость ко лжи у себялюбивого демона, тёмную сторону у искреннего ангела, чувствовала необдуманную ненависть за спиной со стороны дочери Анны, не надеялась обрести энергию, успех, удачу или хотя бы приличные жизненные трудности, плакала, рыдала, скулила, рычала, пищала, слабела, засыпала, просыпалась, хотела повторять всё по кругу, но собиралась с мыслями и обращалась за помощью к Ангелу Бакариилу, после чего все события начинали шагать как надо, без привязки ко дням недели. Горсть черники, ломоть хлеба и красивый рот Елены Прекрасной молча укажут на арест где-то в Испании, где жертвенные столбы напоминают про ярость, страх и ужас давно забытых здесь севильских мудрецов, и у которых, у столбов, и рад был Бог жертве Овна, ибо, между прочим, уже был конец света, любимая моя, *Geliebte*, наши дети уже давно полюбили Бакариила, Анна даже что-то лопотала, «бя-бя», это так, но конец света разрушает небо топором Меска, и мы видим, что наша вселенная – это там, где Овен расположил копыта, это лишний мир, демо-версия или пробник для идеального мира. Ему всего один день от роду, но это если считать по «правильным» меркам, для нас такие сутки непостижимы, это правда, но более правда кроется в том, что наша вселенная ещё не создана. Это проба бога, не прошедшего редактуру. Это просто «понимание с ошибками». Давно пора понять, что «понимание» – это враг искусства, враг творения, Его творения. Так был ли конец света, или мир ещё не был сотворён? Я не знаю, ты не знаешь, Дионис думает, но вот Овен думать не способен – нежелание признавать ошибки, яростью злоба и упрямство барана под Марсом обратят-таки Овна в «Овна вручения», и произойдёт сотворение мира от искры, произойдёт опять, и во всех стихиях будет размножаться жизнь: гады, звери, птицы, рыбы – во всех, кроме открытого, прямого, подавляющего и агрессивного Огня. Если мир создан заново или его просто и не было никогда, то тогда для чего мы живём? Для чего от сухого (Овен) мы направляемся к горячему (Лев), а затем и к востоку (Стрелец)? Ведь в Овене изгнание, а среди людей – демонстративность. Для чего? Не лучше ли будет, если симпатичная машина ненависти в качестве предлога выберет охоту за графом, а на деле просто перемоет всех живущих на земле ничтожеств в мелкий порошок, как огненный золотопряд? Византийские цезари избирают себе для шутов творцов калибра Виктора Гюго и пускают их в расход, как белых пешек – так не лучше ли сразу опрокинуть целиком этот шахматный набор? Убить их всех в этом старом сером здании и жёлтой краской вывести силуэты тел? Это куда романтичнее. Это Пол Пот и душные руины королевства кхмеров. Древние богоподобные руины, не хватает только заунывной гитары, наигрывающей *Frühling in Paris* (а Пол Пот учился в Париже). В эти силуэты из жёлтой краски помещены три бубновые карты – шестёрка, девятка и дама ♠. Буква «шин» под левым верхним

углом, под нею не хватает только дурака, и буква «алеф» под правым, и вот тут-то маг Ирана собственной персоной осуществляет волю Овна в синей робе. Он бьёт по себе и часть жизни отнимает у Водолея, как и отнимает у самого себя, ибо он сам себе враг. Друзей у него нет, единственное, что маг способен сделать – так это уехать назад в деревню и написать этюд строптивой Морварид, которую он горячо любил, вплетая вместо лавра листья римского салата в её ночные волосы. Огонь перебрался на улеи, из которых повывлетали пчёлы. Только когда первая пчела пролетела над пустым тронном, в Микенах поняли, что царь их пропал. Царь вскоре нашёлся, с его слов, «изнемождённый болезнью», но вот беда, Геракл обнаружил новую пропажу – нигде не было его верного оруженосца Иолая. Ни на Марсовом поле, ни среди трупов троянцев, которым помогал Арес, достойный как можно больше полей названных в его честь, ни даже, если доводить до абсурда, в Меланезии, где Посейдону удалось найти Кетцалькоатля, в некотором роде своего наследника, пернатозмейно оказавшегося на чёрных островах вместе с веровавшими в него ацтеками-торговцами, прибывшими туда за перчинками – в общем, нигде не Земле не найти Иолая. Хотя он был на видном месте. Он просил поэтов и мимов как можно чаще уповать на музу Полигимнию, дабы мёд поэзии в его честь был слаще, а пантомимы на его врагов, то есть на Геракла – остроумней. Солнечный луч гречанки Елены, который по итогу сделал свидание Гектора с Андромахой последним, был хоть ему и недоступен, но мог быть воображаемым и делать лицо царицы менее уродливым. Может, именно факт, что я представлял не тебя, любимая, а Елену Прекрасную, и вызовет когда-то потом нашу авиакатастрофу, но суть пока не в этом, нынешнюю суть ты уловила – раз я выдавал себя за Иолая, а Иолай теперь спит с женой Эврисфея, не делает ли это меня самим Эврисфеем? В яблочко! Делает! Вот как оно было.

Λλ

Чёрный ангелочек, прибывший из областей Леванта, нашептал мне план дальнейших действий. Ночью я пробрался в дворец Эврисфея и убил главного первосвященника, который шептался с бронзовым сосудом. Заглянув внутрь сосуда, я увидел скрюченного Эврисфея, уже мёртвого, снял с него кожу и надел на себя. Первосвященник был старым, и его удушение легко было выдать за сердечный удар, но вот как было грамотно выдать изменившийся, мягко говоря, внешний и внутренний облик царя? Я отправился на остров Хиос к знакомому кожнику-иерофанту, второму праведнику из ламедвовников, и честно рассказал ему про чёрного ангелочка. Иерофант только и вздохнул, сказав, что ничего благого от людей ждать не стоит, люди – это лишь пепел и прах испепелённых молниями Зевса титанов, поэтому даже тем из грешников, что видят чёрных ангелочков, он будет помогать, ибо такова его судьба как ламедвовника. Я вздохнул с облегчением. Иерофант филигранно подшил обвисшую кожу, и теперь меня никак нельзя было отличить от царя Эврисфея. Я поблагодарил иерофанта и незаметно украл у него золотую шкуру барана, на котором в своё время убежали от злой мачехи Фрикс и несчастная Гелла, упавшая в пролив и порезавшая себе шею хвостом левиафана. Мне эта шкура ещё может сослужить, а старому иерофанту она нужна как просто символ собственной профессии.

Итак, я вернулся в Микены, прервал траур Геракла по Хирону и Иолаю и дал ему позорное, как мне тогда казалось, поручение. Он должен был заняться чисткой навоза. Скотный двор из пятиста тринадцати быков, где профудобрения скопились, был ожидаемо огромен, ибо принадлежал самому Авгию, солнечному сыну. Но Геракл был хитрей, чем я тогда думал. И без помощи Паллады в нём сочетались сила и ум. Он предложил царю Авгию за один день очистить весь громадный скотный двор, но если тот отдаст ему хотя бы полусотню из своих быков. Сын Гелиоса не возражал, ибо знал, что невозможно такую площадь успеть убрать до захода солнца. Но Геракл, как я уже сказал, был не только силен. Он сломал стену, окружающую скотный двор, и отвёл в него реку Алфей, да-да, Алфей, так что ещё ночь не стала тащить день в свою постель, как Геракл уже всё очистил. Но солнечный Авгий его обманул, и Геракл вер-

нулся ко мне с пустыми руками, безо всяких быков. Я громко позлорадствовал ему в лицо, чем, навернсе, и вынудил его отомстить, покусившись на Солнце. Он выбежал из моего дворца, а через сутки вернулся, весь окровавленный, и рассказал, что разорвал сына Гелиоса на части.

– Хм, как когда-то меня, – сказал я вслух.

По счастью, Геракл интерпретировал мои слова по-своему. Он вернулся на место убийства солнечного сына, посадил там оливковые деревья, посвятил их Афине-Палладе и учредил Олимпийские игры, которые стали проводиться каждые четыре года. И только христианскому фанатику Феодосию пришло в голову их запретить. Бег, борьба, бросание копья, кулачный бой, метание диска, скачки на колесницах, венки из Афиновых деревьев, храм Зевеса, да и сама река, да-да, Алфей – всё это кануло в лету во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Но не пойми меня неправильно, любимая моя. То, что я восхищался погубленным творением Геракла, вовсе не означает моё отречение от гнева к нему. История с убийством Авгия подарила мне нового союзника в борьбе с отродьем Зевса, так же, как и я, свято жаждущего ему отомстить. Имя ему – Нестор, он ещё подросток, и он доводится внуком солнечному сыну – прочие же ветви дерева Гелиоса оказались сбитыми со ствола булавой Геракла и позорно вытоптанными пятьюстами тринадцатью быками, которых он забрал себе ценой мерцающей неприятно-красной точки в груди, появившейся у него заместо молота-сердца. За эту точку, вторую, кстати, по счёту, из которых сотворено наше мироздание, отвечал жертвующий собой во имя собственной идеи Овен. Его первые шаги в постоянно меняющейся материи прошли без веры в себя, его первые копыта невежественно втапывали в землю жёлтые цветы нарцисса жонкилля, так что Овен познал себя уже после того, как его оседлал человек, держащий в руке розу, который и отправил его неостриженный carcass в сад притчей и загадок.

Этот человек носил одежду шута, ибо был он шутом, нищим бездельником, из имущества у которого был только мешочек, вышитый еврейскими буквами «шин». Верхом на баране он глядел в облака недели, где заместо синевы полудня умудрялся рассмотреть ночные тайны, треугольники зверей, високосных Крысу, Дракона, Обезьяну и прочие колдовские излишки, значения коих ему мешала дотраکتовать непрестанно лающая под ногами такса, ибо та, в отличие от шута, осознавала, что осёдланный им Овен ведёт его к пока невидимому обрыву, а за невидимым обрывом тянется родина Овна, его покинутый крест, помимо него в который входили: Весы, олицетворяющие собой закинутую за плечо шута палку со свисающим с неё мешочком, вышитым двадцатью двумя буквами «шин»; Рак, левая клешня которого была восьмёркой, а правая нулём; и Козерог-рог-рог, источающийся каплями в ущельях, но в этих каплях, правда, отражались глазки ошалевшей таксы, шавки, что безуспешно пыталась удержать шута от нисхождения в пропасть, но хозяин припеваючи шагал, смотрел на небо, Овен нервный, а под небом бродят безухие личности и много скотá, летает много шерсти и пьют столовое вино схоласты, блеют белые барашки в страхе Овна, Овен нервный, на котором шут, который перед сáмой пропастью открывается вдруг народонаселению как сам Иисус Христ Агнец, воин и пастырь, идеал человека, Овен нервный, прообраз или нуль ницщеанской воли, чьи брови подражают иконам из московского будущего, чьи брови, словно радуги небесные, по которым скачут имеющие копыта знаки Зодиака, нависают над мраморной сталью глаз, в которых уже запечатлена неминуемая победа правды или нравственности над превосходящей силой архетипа, злого рока, несчастливой цифры или первой буквы в смертном приговоре.

А

Уж верба вся пушистая раскинулась кругом, а первоцвет красив-цветущ, лепестками из яичного желтка потянулся к стройной даме незнакомого ростка, но вместо поцелуя умер, получил, так сказать, ДЖАГГЕРНАУТ, ибо летающая фея и принцесса персик, живущие в первоцвете, не могли знать, что перед ними венерина мухоловка, причём мухоловка в своих красных днях.

СЧАСТЛИВАЯ ЦИФРА 1

Горячий и сухой Марс заявил, что война – отец всего, а Гераклит подхватил за ним и опорожнил свой работоспособный толстый кишечник на голову Даниилова истукана из чистого золота. Иронично, что красный вторник инициативно указывал именно направление экскрементов толкового философа, а не то, где та или иная планета находится сейчас. В случае с красным вторником планета, думаю, очевидна. Марс двигался на юг, делал красными любые цвета, людские качества, людские же органы и растворялся по итогу в розовом утре, золотом дне, сером вечере и чёрной ночи (сейчас было розовое утро, а именно, где-то между пятью и семью часами). Сразу же утром, не позже шести, выяснялось, что мужские знаки обладали сюжетом, женские же были бессюжетными. Шесть мужских сюжетов начались, когда Овен родил золотого ребёнка, разможил ему голову, взял высыпавшиеся оттуда камни, но повсюду разбежались черви. И хоть один из миллиона всё же стал тем самым змием – кстати, в Овне от этого змия только голова, в Рыбах же целый змий кусал себя за хвост – короче, один из миллиона и стал тем самым змием, но остальные черви довольно бессюжетно погибли на станции утешения для японских солдат и своею гибелью подпортили активные движения их мужских гени-таллий, сделав их менее активными, но зато пленных корейнок – более. Под звуки природы и музыку флейты они бежали от японской армии и, поедая червяков на передышке, наблюдали в вышине железный Марс в пяти духах, одним из коих являлась утренняя звезда Люцифера. «Это зверь Хамагучи» – сказала одна из пленниц, до крайне скорого и неожиданного конца своей жизни помнившая любую обиду. – «Этот зверь соответствует первичному единству, началу, Создателю и без участия женщины рождает сверхмощную частицу-демона, которая сама ищет и находит сверхпроводники...»

Она обернулась, но не увидела за спиной подруг по несчастью. Зато увидела тёзку Симона Мага в неземном блеске, Симону Магу несвойственному. Она поняла лишь одно – что даже от него, от лысого кроткого апостола, не укрылась её красота изувеченной.

– Поговори со мной для начала, – просила пленница, – а потом уже сияй, ты, безумный бриллиант!

Он молчал.

– Или ты несчастный календарь?

Он молчал, но блеск его стремительно увядал.

– Или от того ты молчишь, что блеск твой не вечен? О нет! Ты просто лёд, что тает под солнцем! О неет! Ты...

Он заткнул ей рот первым ножом изо льда, и в её искажённых ужасом глазах пронеслась вся динамика планеты Марс, звучащая в стихии Огня всеми мыслимыми и немыслимыми инструментами. Пилу тоже можно назвать музыкальным инструментом, но ангел полуночи Симон Кананит, который пленницу заколол, разделил эту музыкальную пилу на Марс с буквой «далет» и на Овна с мечом вместо левого рога и буквой «хей» вместо правого, ещё не подозревая, что этой же пилой его распилят, но уже под другую музыку, под трели ивового соловья. Пленница грешила, её можно было колоть, тем более в ней скрывались и Огонь, и Земля, и Воздух, и Вода, все те стихии, с которыми праведный Симон ангелом полуночи или апостолом дня сражался, не жалея себя, но Симон другой, Андрогин с глиняным членом, тоже не жалел себя и выпил зелье Елены Прекрасной, дабы стать мужчиной, стать Воином в самом греческом смысле этого слова. Занюхав рукавом, он оттолкнул от себя Елену и пошёл смотреть пожар, в котором догорал Второй Храм. Мощное лицо Воина с квадратной челюстью было покрыто густой чёрной бородой и в сочетании с огнями, отражающимися на стальной поверхности шлема, эта борода наводила на мысли о матери-земле, что всегда черна и всегда под ногами, всегда скрывающаяся во влажном чреве насыщения родительский корень, пробудить который к жизни способен только первый огонь. В ней таится Βύθος, Глубина, Igneus, старейшее Первоначало, но природа первого огня, точнее, божественной искры не позволяет Огню примириться с глубиной Земли, поэтому коль скоро они так необходимы друг другу,

столь они друг с другом несовместимы. Огонь иссушает Землю и отбирает у неё плодородие, но Земля мешает огню распространиться. Симон окрасил ужасом белые дни Елены, но её красные дни не позволили переставшему хромать Симону уйти в другие половины мира... Огонь и Земля как два меча, соприкасающиеся лишь остриями и в этом напряжении рождающие жизнь... Одинокая слеза растаяла на передней стороне стального шлема Воина. Он её вытер, выбросил в пожар Второго Храма все девять мечей, похищенные у заснувших от изнеможения легионеров, и оставил при себе один лишь прививочный нож, с помощью которого, если верить финикийскому сказанию о старом мореходе, можно отделять засохшие пуповины от убитых младенцев и делать из них несгорающие свечи. С этим ножом Воин Симон Маг пошёл искать непорочную деву, дабы она оформила его глиняный отросток в нечто более мужское и человеческое, отделив его от следов заботливых рук Елены, подобно Христу, отделяющему на Страшном суде козлов (неверующих) от гигантов (верующих), обрубок одного из которого ждала она, иранская Шторм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.